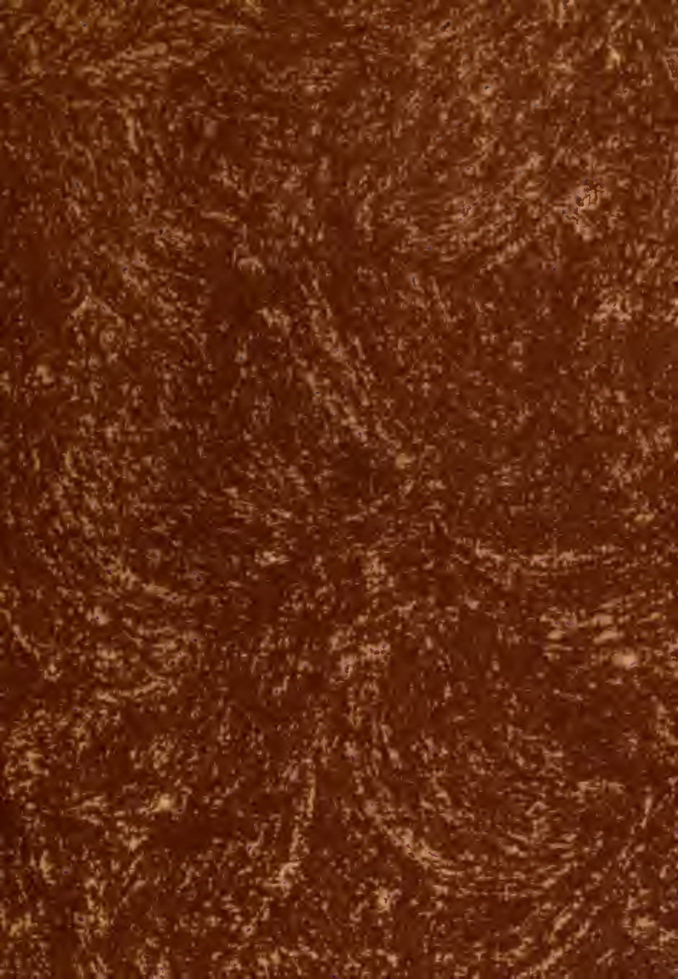

Сергей Спасский

Издательство Писателей в Ленинграде

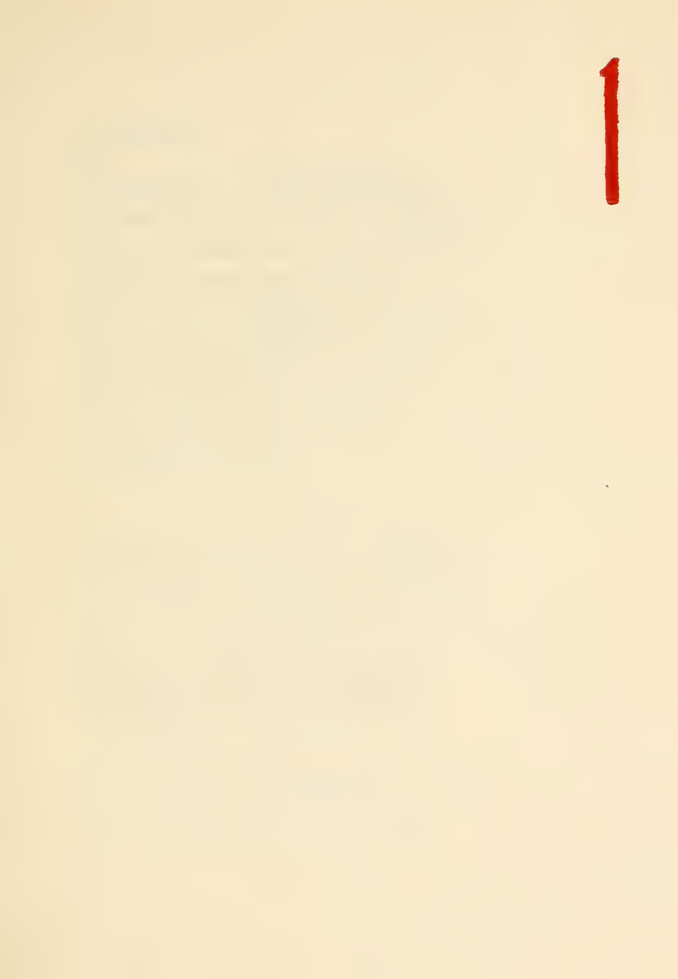
№ 293
Отпечатано для Издательства Писателей в Ленинграде гос. тип. ОНТИ им. Евг. Соколовой в количестве 5300 экз. — 2 |8 л. Заказ № 3659. Ленгорлит № 81975. Рисунок переплета, суперобложки и титульных листов М. Кирнарского. Формат бумаги 62×94. Тип. зн. в 1 п. л. 41760. Бум. л. 1¹|9. Сдано в набор 7|X 1932 г. Подписано к печати 30|I 1933 г. Порядковый № 5. Ответств. редактор А. Прокофьев. Техн. ред. Д. Бабкин.
1933

Вступление

ПЯТНАДЦАТИ ГОДАМ

Я был их тенью. Я разведчиком
За ними крался. Я на цыпочках
Следил, их пеплом руки выпачкав.
Я был их братом опрометчивым,
Беспечным? — Может.
Но без паники
Я принимал их поручения.
Я, как слепой, учился чтению
Наощупь,
привыкал к механике
Выносливого отречения.
Я был им верен всей чрезмерностью
Воображения, всей музыкой
Во мне гостящей, всей нагрузкой
Правдивости, был верен верностью
Неущербленной и без трещины,
Как будто накаленной добела.
Одна судьба над нами пробила,
Одни над нами ветры скрещены.
Клянусь! Ни завистью, ни ревностью
Я не пятнал их лики грозные.

Я был их пыльной повседневностью,
Побед многоголосой бронзою.
И вровень, по-мужски, упрямою
Походкою, по праву опыта
Вхожу в грядущее, в то самое,
Которое и мною добыто.

1

МОНОЛОГ

Привычная крепнет раскачка
Слогов, восклицаний. И хром
Мой замысел бродит, испачкав
Бумагу вертлявым пером.
Все ищет, придраться к чему бы,
И рифмой в кармане звеня,
Как будто монету на зубы
Он пробует качество дня,
И по оболочкам явлений
Проводит рукой.

А в окне
Ноябрь шелестит в полусне,
Завяз между крыш по колени,
А дождь, словно иглы, колюч.
Сырь. Ссоры ветров. Свалка туч.
Истлело столетий наследье,
И снова в ворота столетья
Скрипучий вставляется ключ.

Ну, что же? Товарищи, те, кто
Мне смежен по этим годам,

Мы — бревна и мы — архитектор,
Смелей же по свежим следам
Еще не пришедших событий,
Что с ружьями ждут за углом.
Мы все в этой гневной орбите,
Мы скручены общим узлом,
И нам разрубать его вместе.

А тучи вдоль мокрых дворов
По ветлам, по трубам предместий
Ползут на колесах ветров.
Цыганский обоз. Перебранка
Трамваев, зашедших в тупик,
А дождь говорлив, как шарманка,
День, будто о помощи крик.

Товарищи! Песни для боя
Затянем в шинелей сукно.
Я с вами! Мы с памятью — двое.
А память и совесть — одно.

Когда возникает завод,
Он руки и лица зовет
И топоты гонит по тропам,
Скликает цемент и кирпич,
И сходятся ломы на клич,
Лопаты бредут по сугробам.

И первый садится барак
В рубахе своей деревянной.
И первая лампа румяный
Луч пересылает во мрак.
И в толстое небо дымок
Колонкой упрется отвесной.
И первый на печке железной
В котле зажурчит кипяток.

К нахохленному полустанку
Съезжаются.
Снега кора
В печатях подошв.
Спозаранку,
Как выстрел, удар топора.

И лес обнесен фонарями,
Он улицей выглядит.
Лес,
Как сцена, украшен.
Как в раме
Театра, смятенье и блеск.
Сквозь иглистое оперенье,
Сквозь шорох соснового сна
Для нетерпеливого зренья
Уже различима стена,
И к ней прислонилась вторая,
И желты скелеты стропил,
И сумрак полярного края
Их крупной звездой окропил.
Карельская ночь неизменна,
Границ ей не сыщешь на глаз.
Кончается первая смена.
Вторая продолжит рассказ.

За сменами смены, за бревнами бревна.
В окошках озер отразились леса.
И, как на рисунке, линейны и ровны
И будто кристаллы цехов корпуса.
Их трудно осмысливать. И, беспокоясь,
Их профили трудно придвинуть к стиху.
Они, как взбесившийся каменный поезд,
Сорвавшийся с рельс и застрявший во мху.
Но тут не сравненья летучий осколок
Осветит окрестность, как метеорит,
Тут ребра земли осязает геолог,
Тут — экономист свою правду творит.
И значит — барак приседает, как заяц,
К холму. А на завтра дороги тесны
Лесные для толп. И завод, прорезаясь,
Выходит из сосен, как зуб из десны.

БАЛЛАДА ОБ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Я сам тружусь. Я уваженье
Храню высокое к труду.
Лишь прямодушьем выраженье
Себя и времени найду.
Есть верность ремеслу. И навык,
С которым я в эпоху вхож,
Не как торговец за прилавок,
А будто в тело входит нож.

...Я в белый зал входил.
Казалось
Весь воздух превратился в гул,
И гулом тяжело дышалось,
Гул, как чугун, мне плечи гнул.
Я чувствовал кариатидой
Себя.
Я жил вмурован в смесь
Того же гула с глянцевитой
Прохладой дня, разлитой здесь.
И зал всей толщью стекол в стенах,
Всей пустотою потолка,

Всей твердью пола — в постепенных
Толчках пульсировал слегка,
Пульсировал и рос толчками
И, стягиваясь, полз назад,
Как будто размягчился камень
И стал резиновым фасад.
И в самой сердцевине гуда
Турбина дремлет тяжело,
Как центр вращения, откуда
Все это празднество пошло.

Здесь полнота природной мощи,
Почти искусства простота,
Такая, что нельзя быть проще,
Такая, что почти пуста,
И вразумительней ответа
Нет — на многоязычный вой,
Чем внятное безмолвье света
И легкость силы лучевой.

Европа, так значит, конец?
Рассказана сказка до края
И завтра наступит вторая,
А этой — в затылок свинец?
Расколото днище о риф,
Вниз поезд с откоса,
                    И тормоз
Изломан.
            И в траур задернусь
Я, имя твое повторив.
Твой проигрыш вписан. Мелок
Сломался в руке у банкрота.
Заклепаны фабрик ворота.
Горбатый закат проволок
Замасленный зарева клок.
Иль это ротфронтовцев рота
Приподняла доски знамен?

Затишьем твой мир заклеймен.
Спят грузы, спят руды, спят зерна
На складах, спят флоты в порту,
Спят трупы турбин, мертвы горны,

Спят мысли, спит песня во рту.
Ночь. Небо в фашистских крестах
Созвездий. Прут тучи гурьбою,
Как танки. На утро — быть бою.
И ветры стоят на постах.
И — яростная тишина.
Чтоб даже шаги не скрипели!
Лишь режет сверлящий пропеллер
Обшивку небесного дна.
Что этот стальной метеор
Развозит? Прессованный порох?
Груз газов?
Мы скроемся в норах,
Но завтра мы выйдем из нор.
Иль в этом летучем корыте
Вспотевшего золота кладь,
Что Франция цедит из Сити
Склерозы свои заживлять?
Набитая слитками птица,
Скользи распростертым мечом,
Но кровью мы будем платиться,
И золото тут не при чем.
И что теперь перетасовка
По банкам блудливых валют?
Шарахнулись зданья.
Винтовка

Свой провозглашает салют.
Европа. Так вот твое право.
Уже ничего не спасти.
Как пепел, истлевшую славу
Ты слабо сжимаешь в горсти.
И все же судьбою двойною
Ты смотришь в упор на меня,
Под ночью твоей шерстяною
Восстанья чадит головня.
Лишенья подсчитывать рано,
Ты руки к рассвету воздень,
Как профиль подъемного крана,
Стоит революции тень.
И знаю, ладони рабочих
По твердому трапу труда,
Как ряд оцинкованных бочек,
Покатят твои города.

ГОВОРИТ БЕЗРАБОТНЫЙ

Я стою. Две руки у меня,
Две ноги. Не урод. Не калека.
Я родился с лицом человека.
Разве мир для меня — западня?
Разве кровь моя — странная смесь
Из особенных шариков в теле,
Что я должен быть съеденным. Весь.
Чтоб лишь кости в зубах прохрустели.
Разве жизнь я не смею беречь?

Я — не волк, не крапива, не камень...
Я вскопал эту землю руками.
У меня — расчлененная речь.
Впрочем, дело не в доводах. Спор
Не о точном значеньи понятья.
Я без крова, без платы, без платья.
Я сметен, словно мусор, на двор,
Выдран сорной травою из грядок,
Слит в трубу загрязненной водой..

Если это законный порядок,
То — к расстрелу порядок такой.

Если это по смыслу науки,
Я не спорю. Я жду. И молчу.
И мои безработные руки
Поднимают винтовку к плечу.

2

ЛИРИКА

О, запах задворок. Шарманок
Сипенье в морозных дворах.
О, кровь загнивающих ранок,
И ветер голодный. И страх.
Бумажный раскрашенный розан,
Огарок дотлевшей свечи.
О, рифмы бубенчик —
Мы прозам
Доверились — сгинь, не бренчи.
Мы умны. Нам цифр колоннада,
Доклада графленая речь.
Нам ружья прохладные надо
Прикладывать к выемкам плеч.
Сестра недовольств, преступлений
Советчица... Короток суд.
О, лирика, стань на колени,
Твой труп по проспекту несут.

Но смена настала ночная,
И вывесил лампы завод,
И токарь, сверлить начиная,
В подручные песню зовет.
Она остановится о бок,

Клепальщику даст молоток,
В румяное зарево топок
Закутается, как в платок.
Жива, только стала взрослее
И вдумчивей будто чуть-чуть.
И ремни трансмиссий за нею
В летучий пускаются путь.

Иль вздувши дымками знамена,
Рассвет приподняв в небеса,
Пойдет выкликать поименно
На площадь цехов корпуса,
И в маршей граненом разгоне,
По солнцу разлитому, в брод,
Как раковину на ладони,
Весь город проносит вперед.

Да, мало ль ей поводов губы
Разжать.
Если мы и резки,
— Мы — завтрашних дум лесорубы,
Мы будущих чувств рыбаки.
О, лирика, смелость и нежность,
Расти, имена изменя,
Как новой весны неизбежность,
Хотя бы помимо меня.

ПУШКИНУ

Этот выбор решается с детства,
Это прежде, чем к жизни привык,
Раньше памяти.
Это, как средство
Распрямлять неудобный язык.
Прежде чем неудобное зренье
Начертания букв разберет,
Непонятное стихотворенье
Жмется в слух, забивается в рот.
На губах, словно хлебная мякоть,
Заглотнется в гортань, как вода.
С ним расти и влюбляться.
С ним плакать,
С ним гостить на земле. Навсегда.
С ним ощупываются границы
Мирозданий. С ним бродят в бреду.
И оно не в страницах хранится,
А как дождь упадает в саду.
Будто сам написал его, лучших
Слов, взрослея, скопить не сумел,
Чем разлив этих гласных плывучих,

Блеск согласных, как соль и как мел.
Да, мы рушим. Да, строить из бревен.
Бывший век задремал и притих.
Да, все внове. Но с временем вровень,
Дружен с воздухом пушкинский стих.
И его придыханьем отметим
Рост утрат, накопленье удач,
И вручим его запросто детям,
Как вручают летающий мяч.
И под старость, как верную лампу,
Я поставлю его на столе,
Чтоб осмыслить в сиянии ямба
Всю работу свою на земле.

ПОЭТУ

Б. П.

Подвластен улиц чертежу
Стоит закат многооконный.

Я в Вашу комнату вхожу,
Как в полость трубки телефонной,
Где шорох дальних слов, куда
Рожденный на других планетах
Доносят возглас провода
Невидные.

И может нет их,
И звук из пустоты зачат
Из ощущения распада
И смертности.
О чем молчат,
Что лишь искусству помнить надо.

Я в комнату, как на помост
Платформы дачной.

Нависанье
Дождя. Ни поездов, ни звезд
Не подают по расписанью.
Вдруг, на-двое разделена,
Ночь треснет и замрет в обломках,
И ветра прыгает стена
По шпалам на колесах громких.
Вагонных стекол свежий шрам
На крупе тьмы. И уж далек он.
Мы машем шапками друзьям,
Мы кем-то узнаны из окон.

Я к Вам, чтоб, отойдя за бок
Рояля, слов раскинуть табор,
Чтоб замыслы по рельсам строк
Неслись на тормозах метафор.
И пониманья дальний путь,
Как дружба, легок, как доверье.
И речь тиха, пока уснуть
Ребенок не успел за дверью.
И смею помнить я одно,
В беседе час проколобродив,
— Искусство — поезд. И оно
Сметает всякого, кто против.

С. Г. К

Если слово в строки тянется
И, в трущобы звуков канув,
Я глотаю ритм, как пьяница
Глушит водку из стаканов,
И закусываю углями
Рифм, и рот в сплошном ожоге
И тоска зрачками круглыми
Смотрит, вставши на пороге,
— Ты с покупками с поспешностью
Вот войдешь, и в легкий роздых
Мир опять проветрен нежностью,
Будто вывешен на воздух.
Иль окликнешь в глине по локоть,
Улыбнемся, посудачим,
— День дохнет, как полый колокол
Полным голосом удачи.
Нам поэзия — советчица.
Глянь, слетев к рукам упорным,
Стая слов щебечет, мечется,
Словно голуби за кормом.
Нет ни хмурости, ни старости.
Разве мы заглохнем? Мы-то?..
— До смерти брести сквозь заросли
Озабоченного быта.

День обнесли темных сосен перила.
Желтые сваи. Слоистая хвоя.
Неба здесь больше обычного вдвое.
Озеро верхнюю синь повторило.

Речка дрожит нарезною уздечкой.
Гор задремали нагретые крупы
В упряжи струй.
Как зажженною свечкой
Воздух мне сушит ленивые губы.

Не за раскаянье, не по заслугам,
Здесь для поступков иные мерила,
Бревна на волнах. Фаянсовым кругом
Небо. И озеро синь повторило.

Убраны склоны прилежной травою.
Жизнь моя рядом — доверчивой тенью.
Горы висят вопреки тяготенью.
Неба здесь больше обычного вдвое.

Озера длинное блюдо. Платок
Паруса. Стали вагоны в затылок.
Строят. Отрывистый бьет молоток,
Жарок клокочущий шип лесопилок.

Резкие, серые молнии пил.
Разве не искрами сыпятся стружки?
Я этот воздух непочатый пил
Свежим, как воду, из глиняной кружки.

Прочный дымок повисал бахромой
И расцеплялся. Скользи же, исчезни...
Мысль моя, ты воротилась домой.
Родина. Возникновение песни.

Разве я утро такое искал?
Насыпи. Избы рыбацкого люда.
В трещинах мелкой волны между скал
Озера голубоватое блюдо.

Перетянута сетями
Золотистая площадка.
Здесь уместен ум и хватка,
Не мечись, не хлопочи.

В неоглядной неба яме,
Отсекаясь от ракетки,
Бродят, скрещиваясь, метки
Плотно-дутые мячи.

Пусть удар твой в зоркой ловле
Будет бережный и точный.
Будто в бубен, в пласт песочный
Ноги бьют. Смех. Голоса.

Блещут ситцевые кровли
Дач. И к распростертым кленам,
Словно к реющим балконам,
Прислонились паруса.

Е. Ланну

Качели деревьев. Аэродрома
Пушист платок травяной.
Как ни обернуться, я всюду — дома.
Мой воздух вокруг стеной.
Трудись, достигай, соревнуйся, празднуй.
Друзей у меня не счесть.
И мысль наготове и песен разный
Язык им подобран в честь.
Я вбит, будто гвоздь, в этот вихрь.
О, время,
Стучи колесом, кружись.
И я умирать буду вместе с теми,
С которыми строил жизнь.
Как хлеб у нас общ, обща и участь.
Я словом ее солю.
И трудных удач берегу живучесть.
И сизую сталь люблю.

В. В. Маяковскому

3

Ночной Оркестр

(отрывок из поэмы)

ВСТУПЛЕНИЕ В ПРОЗЕ

День отойдет. Второй. Четвертый.
Скоро
Охапку их мы наберем в суму
С тех пор, когда тебе, уйдя из хора,
Остаться захотелось одному,
С тех пор, как ты перешагнул вразвалку
С подмосток славы, страсти и войны
На сцену грузового катафалка,
Как гражданин шекспировской страны,
Но чванного спокойствия корою
Во мне не обросли твои черты,
Не оттого, чтоб с профилем героя
Был на медали сердца выбит ты,
Не потому, что помнится мне слишком,
Как позволял ты становиться в ряд
С твоей судьбой таким, как я, мальчишкам
На плечи футуристских баррикад,
Что с тех доисторических шагов ты
Воспоминаньем схвачен во весь рост,
Когда, укрыт зарею желтой кофты,
Ты выбежал на свой Аркольский мост,
Что мы привыкли наблюдать годами

Басовых строф ступенчатую речь
(И тем страшней, что вот — не угадали
Ее границ и как ее сберечь),
Но эта смерть
— она вломилась даже
В мозг самых сонных, в самый спящий час
И что-то опрокинула в пейзаже,
В эпохе, в жизни каждого из нас,
Она, как звук, что крепнет в одиночку
Вдруг, в городе полночном за окном
И, комнату облапив, словно бочку,
Вращает тихо, ставит кверху дном,
Как гибель полководца в чаще боя,
Как знак, что нам, воздавши мертвым честь,
Не по твоей дороге,
Но другою
Итти
И жизнь с других концов прочесть.

1

Окна растворен ров.
Воронкой ночь на двор.
И будто пилка дров,
И дальний разговор,
И острый крысий визг,
И тараканий шаг,
Спуск с лестницы на риск,
Наощупь, в темь.
В ушах
Ступенек скрип. И вскрик,
И спичек чиркотня,
И разговор заик,
И взломщиков возня.
Мрак нищенски лукав,
А если что не так,
— Хватанье за рукав,
Убийство за пятак.
Прочь, мозг, не шелести,
Уймись, погибни ты
На крутизне шести-
этажной высоты.

2

Далеко, чуть внятен, лязгая,
Стон медных горл.
То жалуясь, то с опаскою. . .
Победный хор.
Он вылеплен, словно статуя.
То воск, то клей.
Просительница виноватая
В сверканьи флейт.
Воркующие уверения.
Огонь и горн.
Тромбонов столпотворение,
Ответ волторн.
Бряцающей наковальнею,
Визжаньем сверл
Шаганье его кандальное.
Зык жадных жерл.
Бежит в сапожищах крышами,
По стеклам — лом!
Всей ночью зараз услышанный,
Хвалебный гром.

3

И командарм лежит в гробу.
Френч жесток, как кора.
Звезда на сердце, а во лбу
Чернеется дыра.

Смерть обстругала, как столяр,
Возвышенности скул,
Смерть заготовила футляр,
Чтоб крепче он уснул.

Шагов глухие молотки
В торцы. Толпы поток.
Не повести ему полки
На Запад, на Восток.

Смерть, словно слесарь, на замок
Замкнула грудь.
(Тюрьму
Так запирают.)
Кто же мог
Свинцом в упор ему?

И факел обнажает враз
Лицо, по волосам
Скользит.
                Кто вбил свинец меж глаз?
— Сам. Сам? Неужто сам?

Встал, как патруль, высокий вой
Гудков. И море труб.
И революция вдовой
Глядит на грозный труп.

4

По-гамлетовски с тенью. Тень ночного
Оркестра. Тень мимоидущих прочь
Звучаний. Ожиданий полно слово,
В котором, как в дому, блуждала ночь,
Которому я смутно помогаю
Стать сколком времени. Пускай ни вздоха
Над смертью дней. Окончена эпоха
Одна. На утро началась другая.
Привет ее приходу.

4

Два цикла

1

Иссохший воздух, как солома,
Горюч. Дом замер у реки.
Смеркается. Сквозь бревна дома
Торопятся колеса грома,
Косых зарниц летят платки.

Сквозь дрему шорох дутой шины, —
То ветер.
Он к стеклу прилип,
Он елей быстрые вершины
Закручивает, как пружины,
Он машет факелами лип.

Я в доме. Я затих на тонкой
Границе сумрака и сна.
В мозгу играет гром заслонкой,
Сквозь веки сомкнутые — пленкой
Трепещет молний желтизна.

Я на краю грозы. На самом
Краю деревни. На конце

Земли. Огонь слетает к рамам,
По комнатным порхает ямам
И гаснет на моем лице.

Я вытянут во сне. .Ослабли,
Как мышцы, мысли. Все равно.
Проходит жизнь. Скребутся капли,
Огней иззубренные сабли
Небес раскрамсывают дно.

Я сплю...
                    О, стать возрослей и проще...
Вдоль стекол ливня беготня,
Я в чем-то равен этой мощи,
— Да и гроза простит меня.

2

Застигнут вспышкой,
вдруг
обыскан молнией,
Сияньем ртутным
обдан
на лету,
Луг, поскользнувшись, замер.
Весь — безмолвие,
Весь, будто в маске,
в голубом свету.
Бежать? Куда?
Когда все разом взвешено,
Все познано
до каждого стебля
Одним ударом этой мысли бешеной,
Косым зигзагом
ранившей поля.
Луг недвижим,
зажмурился,
натужа все

Холмы, как мышцы,
стал совсем седым.
Он в обмороке,
он растянут в ужасе.
Вдали курится леса низкий дым.
И темнота.
И только ливня трение.
Колесный шум.
Гром крышу рвет, как гвоздь.
О, познавать —
— мгновенной вспышкой зрения
До самых недр.
—Вплоть до кости.
— Насквозь.

3

В зной, будто в спирт, погружены долины.
Деревьев всплыли круглые дымки.
Дороги желты. Небо, как из глины.
Спят облаков лепных материки.

Ленивый запах сена и малины
Усердно зреющей. . .
Все нареки,
Всего коснись глазами.
Мысли длинны.
Извилисто сияние реки.

Но этот день хитрее. Не таков он,
Как выглядит.
Он — одноглаз и хром,
Он черным ободом грозы окован,
За пазухой, будто булыжник, гром.

И, слушая реки сквозные речи,
Я не засну. Я жду военной встречи,

Когда гроза заклинит блеск в мой дом.

1

Я руку подношу к виску.
Так до виска доносят пулю,
Чтоб кровь схватить на всем скаку,
Из-за угла подкарауля,
Остановить, как под уздцы
Коня,
        Чтоб из горячей щели б
Мысль прыгнула во все концы
Вселенной, бросив тесный череп.

Какие быстрые часы!
Весь воздух стал смертельной смесью
Восторга, страха...
                                Как весы,
Теряет сердце равновесье
И гирьками за граммом грамм
В него гремят сны, звезды, смыслы.
Ни бог, ни царь, никто...
                                        Я сам
Не выравняю коромысла.

Тогда сбегают вниз на двор,
Жмут руки встречным, ждут известий,
Цепляются за разговор,
Подслушанный в чужом подъезде.
А улицы, как зеркала,
Плоски.
В них мглисто брезжут лица.
И явно, что земля кругла,
Что так легко с нее свалиться.

Я руку приподнял. Мигрень.
Я заработался сегодня.
Был длинный, безопасный день.
— Я, улыбнувшись, руку поднял.

2

Я подымался по ступеням.
Я забежал в случайный дом.
Мне верилось
— Мы все изменим
Терпеньем, мужеством, трудом.

И в расчлененной на пролеты
Многоэтажной тишине
Я тихо окликал кого-то,
Чей адрес неизвестен мне,

Подругу, молодость, иль брата,
Иль тех, кто умер, иль того,
Кто будет жить еще когда-то...
Я брел вдоль шахты винтовой

Полуослепший выше, выше
Такой тревогою томим,
Что если б друг навстречу вышел,
Я бы заплакал перед ним,

Сквозь хрусты воздуха, сквозь шорох
Теней, над клетками перил,
Я б выкрикнул слова, которых
Я никогда не говорил.

Откуда это? Что такое?
Мой день был трезв, угрюм, упрям.
Зачем же шарю здесь рукою
Во тьме по замкнутым дверям?

3

Постой, она умрет, как дети,
Которым нехватает мест
В семье. Умрет, как все на свете
Без жалоб, гимнов, без торжеств,
Как ты и я.
                    Но дай болезни
Продолжиться хоть малый час,
Чтоб стала достояньем песни
Та дружба,
                    чтоб в мозгу мечась,
Как язычок свечи из воска,
Вдруг озарила бытие
Подземных замыслов, громоздких
И непонятных для нее.

А я, оценивая груду
Железа, угля и стекла,
Задумаюсь. И позабуду,
Что мне она их принесла.

И лишь, когда от тяготенья
Освобожусь коры земной,
Как тень истлевшего растенья,
Она мелькнет передо мной.

4

А нам не быть —
вдвоем
Нельзя.
Не спорь,
не тронь тех
Смятений
и
о том
Ни возгласа
сейчас.
И если мы
умрем,
То под огнем
на фронте,
И пусть одним
холстом
Задернет ветер
нас.

Мы, как струна
и гриф,

Мы, словно зов и отзвук,
Мы — кровь и кость.
О, встань,
О, ощути до дна,
— Мы, как согласье рифм
Пересекаем воздух.
Нас, будто бы,
гортань
Произнесла одна.

И это наша власть —
— Жить —
И
нет большей чести,
— Ее не уступи —
Быть словом этих
лет.
И если нам
упасть,
То под огнем
и вместе
В передовой цепи,
Входящих
в полный свет.

5

— Ты мучаешься?

— Нет.

— А плечи

Ты пригибаешь.

— Нет. Я рад.

Ровесник современной речи,
Я гордым мыслям века брат.
Но даже если есть страданье,
То разве радостью одной
Мы изнутри скрепляем зданье,
Раскинутое над страной?
Но даже если луч несчастья,
То пусть позволено ему
Стать проницаемою частью
Стекла в отстроенном дому.

5

Заключение

Б. ПАСТЕРНАКУ

Дорогой мой, вот проходят
Наши гулкие года.
Как на быстром пароходе,
Мы плывем. Шуршит вода.

И, пузырясь пенной кромкой,
Отступает за корму
Все, что молодостью громкой
Предлагалось в дар уму.

Связка пены, горстка пепла...
Друг, да разве все мертво?
В пальцах знающих окрепло
Трепетное мастерство.

Словом избранным и разным
Все измерить, все суметь,
Встретить отзвуком прекрасным
Даже старость, даже смерть.

И приходим мы однажды
К заповеданной версте,

Где томиться должен каждый
О труднейшей простоте,

Чтоб без трещин, без бороздок
Был бы чист изгиб строки,
Чтобы мысль входила в воздух,
Как журчанье реки.

...И чтоб кто-то вспомнил фразу,
Умирая на войне,
Ту, что выкормил мой разум
В напряженной тишине.

— Благословенье тебе, время. Другого не надо,
Но от врученного мне не отойду ни на пядь.
Грызла нам мышцы война, кости сушила блокада,
Смерть обучала дышать, жизнь — не сворачивать
вспять.

Каждый крепчающий свод мыслями сцеплен моими.
Кровь не одна ль у страны и у меня навсегда.
Зрячий мой голос встает, землю обходит во имя
Праведного торжества мужественного труда. —

Женщине так я сказал. Она улыбнулась. И платье
Тихо светилось ее. Руки закат окунал
В рощи лепечущих лип. Небо зеленою гладью
Меркло. Гудел пароход. Звезды ложились в канал.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ 4. ДВА ЦИКЛА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Находятся в печати

Иосиф Колтунов
НАСЛЕДСТВО

Борис Лихарев
ВООРУЖЕНИЕ

Николай Браун
МЮНХЕН

Борис Пастернак
СТИХОТВОРЕНИЯ
В ОДНОМ ТОМЕ

Александр Чуркин
ВТОРАЯ ОЧЕРЕДЬ

